

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколень – Хэсэд Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Хешван/Кислев 5781 ноябрь 2020

№11(227)

Праздник чудес, огня и пончиков

События, в честь которых сегодня отмечается праздник Ханука (Ханука переводится как „обновление“ или „новоселье“), происходили приблизительно 2200 лет назад. В те времена территория, на которой сейчас находится современный Израиль, была под контролем Греции. Когда мы произносим слово „античность“ или „Древняя Греция“, перед глазами тут же возникают мраморные скульптуры, огромные амфитеатры и стадионы, мускулистые греки, кидающие диск и задумчивые философы – Сократы и прочие Архимеды.

После завоеваний Александра Македонского практически всё средиземноморье стало эллинистическим и приняло греческую философию, увлечение науками и возведение в культ человеческого тела. В то же самое время центром древнего государства Израиль, как и сегодня, был Иерусалим, и основой еврейской цивилизации было глубокое почитание законов Торы и служение Вс-вышнему в Иерусалимском Храме. В начале периода правления Греции на территории Израиля у евреев была полная автономия относительно внутреннего государственного устройства и свобода вероисповедания. Сам Александр Македонский с огромным почтением относился к еврейским мудрецам и уважал иудейскую веру.

После смерти великого полководца его последователи стали пытаться насильно внедрять эллинистические ценности во всех подконтрольных провинциях, в том числе и в Израиле. Сначала многим евреям греческая культура показалась довольно красивой, и не очень противоречащей основным еврейским законам, и многие евреи стали участвовать в спортивных состязаниях, философских беседах и греческих пирах. Но с течением времени эллинисты стали запрещать евреям следовать основным традициям иудаизма, и установили смертную казнь за соблюдение Субботы, освещение нового месяца и обрезание.

Греки считали, что если уничтожить эти заповеди, всё остальное из еврейской традиции можно перенести в греческий культ. Почему именно эти заповеди были так ненавистны эллинам? Соблюдения Субботы – это заповедь в память о сотворении мира и о том, что этот мир был создан Вс-вышним и только благодаря Ему продолжает своё существование. Освящение и отсчёт месяцев напоминает нам о том, что само по себе время не имеет смысла, оно приобретает значение в зависимости от того, чем мы его наполняем и какие действия совершаем. Обрезание в еврейской традиции символизирует то, что человек рождается не полностью совершенным, и необходимо постоянно работать над собой для самосовершенствования и окружающего мира. В тот момент, когда появился запрет на соблюдение основных заповедей иудаизма, вспыхнуло восстание.

Во главе восставших стоял Иегуда Маккавей и его братья. Они воевали против эллинистов за духовное освобождение еврейского народа. Следует заметить, что древний мир был в целом был довольно толерантен к верованиям разных народов и к наличию разных богов в разных странах. Большинство войн древнего мира велись для территориальных завоеваний или для получения экономических преимуществ. Война Маккавеев – это одна из первых войн в истории, которые велись именно на почве религиозных раздоров.

После долгого противостояния Маккавеем удалось победить эллинистическое войско и вернуть евреям Иерусалимский Храм, вынести оттуда греческих идолов, очистить осквернённый алтарь. По еврейскому закону, в Храме должен постоянно гореть храмовый светильник – Менора (который во время нахождения в Храме греков, конечно, был погашен). Так вот, первоочередная задача, которая стояла перед евреями – зажечь Менору (а в ней должно гореть только специально очищенное оливковое масло). Евреи долго искали масло среди обломков и общего беспорядка, и нашли небольшой кувшин с маслом, которого бы хватило только на один день горения Меноры. А для изготовления другого масла требовалось ещё как минимум неделя. Тем не менее, они зажгли светильник, и случилось чудо: кувшина с маслом хватило ровно на восемь дней горения, пока следующая партия масла не была изготовлена!

Хануку отмечают 25 числа еврейского месяца Кислев. Согласно традиции, евреи устроили праздник через день после окончания войны, когда все воины успели немного отдохнуть. Традиция говорит нам о том, что когда происходит военная победа, в то же самое время для твоего противника это поражение, и нельзя радоваться горю другого, нужно радоваться только тому, что хорошего дала тебе эта победа. Евреи радовались не тому, что они поразили эллинов, а тому, что они снова обрели свободу духа и свободу следования своей традиции. В память о возобновлении храмовой службы и наведении порядка в Храме установлен праздник Ханука.

В чём же основное чудо Хануки? Чудес в Хануке несколько: во-первых, самое „очевидное“ чудо это чудо горения масла. Если обычно такого кувшина хватало для горения светильника в течение одного дня, а он горел целых восемь, то и ребёнку понятно, что это чудо. Его не объяснить законами физики. Во-вторых, менее „очевидное“ чудо – это победа маленького отряда Маккавеев над большой греческой армией. Семья Маккавеев и их соратники боролись за духовную независимость своего народа и просто не могли не победить, потому что иначе еврейская культура была бы уничтожена. И это тоже чудо. Чудо, когда силы духовные становятся физическими, потому что иначе за физическим поражением последует духовное уничтожение.

Ханука отмечается в течение восьми дней. В каждый Ханукальный вечер зажигается большой подсвечник – Ханукия, в котором есть восемь свечей (и одна вспомогательная, которой зажигают все остальные). В первый вечер зажигают одну свечу, во второй вечер две и так далее, до восьмого дня, когда зажигают все восемь свечей. Наши мудрецы говорят, что мы должны увеличивать в мире свет, а вместе с ним всё самое доброе и чудесное, поэтому каждый следующий день праздника мы зажигаем на одну свечу больше.

А что едят на Хануку? В дни праздника принято кушать всё то, что готовится в масле или с использованием масла (очень не диетический праздник). Самое главное ханукальное блюдо – пончики с джемом внутри, которые жарят в масле. Ещё одно традиционное блюдо – латкес (картофельные оладушки или драники), которые тоже жарят в масле и едят со сметаной или соусами.

Ханука – это детский и, наверное, самый любимый детьми праздник. Во-первых, потому что это праздник чуда и с детьми много говорят про чудеса, делают подарки и дарят сладости. Во-вторых, зажигание свечей, фейерверки и прочие огненно-световые развлечения очень любимы детьми и приносят в дом атмосферу праздника и чудес в течение всей недели. Одна из главных „детских“ традиций праздника – игра в савивон (иврит) или дрейдл (идиш). Савивон – это четырёхсторонняя юла (волчок), на сторонах которой написаны первые буквы ивритской фразы „Чудо великое случилось ТАМ (то есть в Израиле)“. Если же дети играют в дрейдл в Израиле, то выражение звучит так: „Чудо великое случилось ЗДЕСЬ“.

Игра в савивон – это маленькое казино, все играющие делают ставки (конфеты, шоколадные или настоящие монетки) и в зависимости от того, какая буква аббревиатуры выпадает каждому из участников, он или забирает весь банк, или половину, или передаёт ход следующему, или кладёт монетку в банк. Важный педагогический аспект Хануки – это то, что каждый день праздника принято дарить детям немного денег для того, чтобы дети учились ими пользоваться. Часть они могут потратить на игру в дрейдл, часть сохранить для себя, часть обязательно должна быть отдана в Цдаку (на нужды общины). Это очень важный аспект праздника, потому что родителям важно научить детей не только духовным ориентирам в жизни, но и тому, как взаимодействовать с материальным аспектом существования. Для иудаизма характерна тесная связь духовного и материального, потому что в этом мире невозможно существовать только в одном из этих измерений.

В Израиле во время Хануки у детей каникулы в школе, и во всех городах проходят фестивали, мастер-классы и праздники. Дети ходят в музеи, гуляют, изготавливают самодельные подсвечники – Ханукии и свечи, масляные лампы и сладкие пончики. Во время всей Ханукальной недели во всех домах Израиля, на площадях и в торговых центрах зажигают большие и маленькие Ханукии с нужным количеством свечей именно для этого дня.

Ханука в Израиле празднуется абсолютно всеми: и религиозными людьми, и светскими семьями, и совершенно удивительно видеть как с наступлением темноты на подоконниках каждого дома и квартиры появляются огоньки. И ты точно знаешь, что каждый этот огонёк зажигают дети со своими родителями, или молодые семьи, или кто-то, кто является чьим-то ребёнком и чьим-то родителем, но все эти люди вспоминают историю Хануки, верят в чудеса и хотят добавить в этот мир немного света и добра.

В 2020 году праздник чудес, огня и пончиков мы будем праздновать с вечера 10 по 18 декабря. Весёлой Хануки!

Пост 10 Тевета

Месяц Тевет – десятый месяц в году, начиная с Нисана. Его название, как и названия других месяцев, привезено из Вавилона возвратившимися оттуда изгнанниками.

Пост 10 Тевета – один из четырёх постов, установленных в память о разрушении Храма, наряду с Постом Гедальи, Семнадцатым Тамуза и Девятым Ава. Десятого Тевета вавилонский царь Навуходоносор начал осаду Иерусалима, 17-го Тамуза его солдаты проломали городскую стену, а тремя неделями позже, 9-го Ава, наступила трагическая развязка событий: был сожжён Храм. Помимо этого, пост Десятого Тевета установлен в память о несчастьях, которые постигли еврейский народ 8-го, 9-го и 10-го числа месяца Тевет.

Восьмого Тевета был завершён перевод Торы на греческий язык по указу царя Птолемея, который получил название Септуагинта (лат. „перевод семидесяти“). Этот день считается столь же несчастным для народа Израиля, как и день, когда был сделан Золотой телец.

В еврейской традиции это событие описывается следующим образом. Птолемей II – правитель эллинистического Египта, искал возможность оспорить божественное происхождение Торы и природу её законов. Для этого он призвал 72 еврейских мудреца и приказал им перевести Тору на греческий язык. Если бы Птолемея действительно интересовала Тора, он заявил бы о своём желании заранее и предоставил бы мудрецам возможность совещаться между собой и создать коллективный перевод. Но Птолемей поместил каждого мудреца в отдельное помещение, чтобы они не могли общаться друг с другом. Видимо, его целью было получение различных толкований Торы, ведь в греческой традиции (и в выросшей из неё европейской, современной нам, традиции) считалось (и до сих пор считается), что разочтения в переводе вызваны несовершенством источника. Но после окончания работы оказалось, что все 72 перевода идентичны. Даже в тех местах, где мудрецы решили изменить при переводе прямой смысл Писания, они действовали совершенно единодушно. Появление этих переводов позволило многим народам мира ознакомиться с Торой. Тем не менее, еврейские мудрецы понимали, что перевод не может сравниться с подлинником, что может стать причиной искажённых толкований Святой Книги.

Десятого Тевета умерли Эзра и Нехемия, которые вели за собой Израиль во время возвращения из вавилонского плена.

Десятого Тевета началась осада Иерусалима царём Навуходоносором, закончившаяся гибелью города и Храма.

Пророки того времени постановили, что этот день будет днём молитвы и поста для будущих поколений. В еврейской традиции события исторического плана практически всегда

трактуются, как имеющие духовную, мистическую или религиозную предпосылку. Вот какое объяснение осаде Иерусалима и разрушению Храма дано в Книге Царей. Когда евреи пришли в Израиль, Б-г поставил им одно основное условие: „Соблюдайте же все Мои постановления и все Мои законы, исполняйте их, дабы не исторгла вас земля, в которую Я веду вас, чтобы вы жили в ней“ (Ваикра, 20). Из двадцати одного поколения евреев, живших в Израиле до разрушения Первого Храма, лишь некоторые соблюдали Б-жественные законы и заповеди – как простой народ, так и священнослужители переняли обычаи языческих народов, живших рядом с ними, и наполнили страну идолами, поклонялись культовым деревьям и изваяниям. Чтобы вернуть народ к Торе, Б-г послал ему пророков, но и пророки зывали к сынам Израиля напрасно... „Пока не разгневался Г-сподь на Свой народ так, что уже не было исцеления“ (Диврей Гаямим II, 36). Иначе говоря, пост 10 Тевета стал наказанием за отступление от Б-жественных установлений. Поэтому 10 Тевета – это день воспоминаний о разрушенном Храме, день, когда принято вспоминать величие и красоту Иерусалима.

Но скорбь, всё же, не является основным содержанием этого дня, 10 Тевета – это ещё и день, когда нужно стремиться исправить свои поступки, чтобы евреи смогли стать свидетелями возрождения города „вскоре, в наши дни!“.

В этом месяце произошло ещё одно несчастье. Первого Тевета царь Иудеи Йехония был отправлен вавилонянами в изгнание вместе со всеми иерусалимскими ремесленниками, а также лучшими людьми города, его защитниками и мудрецами.

Двадцать третьего Тевета 5272 года от Сотворения мира (1512 год по европейскому летоисчислению) были ограблены и высланы из страны евреи Португалии. Многие из них подверглись страшным пыткам и были убиты. Это был как бы второй акт страшной трагедии – изгнания евреев из Испании. Теперь весь Пиренейский полуостров был для них закрыт.

Следует отметить – кроме последних дней Хануки, в Тевете нет ни одного радостного дня.

После создания государства Израиль 10-е Тевета получило ещё один смысл. Главным раввином Израиля постановил, что этот день будет Днём всеобщего Поминования – Днём памяти жертв Катастрофы, дата гибели которых неизвестна, и тех, по кому прочитать поминальную молитву некому. Поэтому во время молитв на протяжении 10-го Тевета принято зажигать поминальную свечу и произносить Поминальную молитву.

По материалам еврейских сайтов.

„Звенит январская вьюга” — спела она в фильме „Иван Васильевич меняет профессию” и прославилась. Но главным хитом Нины Бродской всё равно навсегда осталась песня про Буратино.

Нина Бродская вспоминала: первый успех пришёл, когда ей было четыре года. Она поехала с дядей и тётёй в крымский город Алупку и там услышала слова одной „взрослой” песни. Не совсем понимая смысл, Нина начала всоуду её распевать. „Взрослые были в восторге, — рассказывала она. — Меня начали приглашать чуть ли не в каждый санаторий. Одни мне давали конфеты, другие — фрукты! Я была очень довольна до тех пор, пока о песенке, которая сделала меня такой известной, не рассказали моей тётё. Ох, и попало мне тогда!” Слова композиции, которую четырёхлетняя девочка исполняла отходящим, звучали так: „Зоя, Зоя, Зоя, Зоя, ты кому давала стоя? Никому я не давала, кроме начальника вокзала”.

Нина Александровна Бродская родилась 11 декабря 1947 года в Москве. „Это была обычная еврейская семья, отец был музыкантом, а мама — домохозяйка. Мама влюбилась в папу, когда ей было 13, а ему — 17 лет”, — рассказывала она сама. Интересно, что дед и бабушка по материнской линии Бродской были слепыми: дед Арон родился таким, а бабушка потеряла зрение, переболев чёрной оспой. Их свели родственники — два слепца стали жить вместе и родили троих детей.

«Иногда бабушка звонила и спрашивала: „Ниночка, ди ферштейст ов идишт?” Что по-русски означало: „Ты понимаешь по-еврейски?” Она была из Польши и разговаривала по-русски, как я — по-татарски, она просто мешала еврейский, русский и польский языки. А когда ругалась нецензурно, то у меня складывалось впечатление, что она до конца не понимала значение этих слов. Так вот, моя бабушка говорит мне: „Дайн швестр Поля — а за курве, а за бл***! Зи эт мир а зой издевется”. По-русски это значило: „Твоя сестра Поля... она надо мной так издевается!” И при этом бабушка меня спрашивала, понимаю ли я по-еврейски? По-моему, и без того понятно!» — вспоминала Бродская в своей книге мемуаров „Хулиганка”.

Отличный голос был у Нины с раннего детства. Ещё в двухлетнем возрасте будущая артистка, по её собственным словам, распевала гимн Советского Союза, сидя на горшке. А однажды вдруг спела песню из репертуара Клавдии Шульженко в переполненном автобусе. Ей было три года. Все пассажиры аплодировали.

Когда немцы принялись бомбить Москву, они не нашли ни Кремля, ни Мавзолея, ни Большого театра. Всё виртуозно замаскировал мастер архитектурных фантазий Яков Черников.

Москва в годы Великой Отечественной войны пострадала от немецких бомбардировок не так сильно, как другие крупные города Советского Союза — Смоленск или Киев. Произошло это, конечно, не по упущению немцев — те как раз готовили авиаудары по советской столице с особой тщательностью. Задолго до начала войны: составляли детальные карты, под любыми предлогами вели шпионскую фотосъёмку. Вот только когда дошло до дела, немецкие летчики обнаружили, что вид сверху совсем не соответствует выученным картам — самых стратегически важных зданий по маршруту полётов попросту не было.

Секрет мистического исчезновения из центра города Кремля, Мавзолея, храмов и правительственных учреждений был в виртуальной маскировке данных архитектурных объектов. Что сделали: зачехлили звёзды на кремлевских башнях и кресты на соборах, купола же перекрасили в чёрный цвет. Благодаря этому разглядеть храм Василия Блаженного или Покрова Богородицы было невозможно вплоть до конца войны. Кроме того, вдоль Кремлёвской стены расставили макеты жилых построек. Фанерные декорации заполнили также Красную и Манежную площади. Мавзолей сделали трёхэтажным, а от Боровицких до Спасских ворот проложили песчаную дорогу, напоминавшую шоссе. Изменили даже очертания Москвы-реки! В общем, немцы полетали раз, два — и стали с бомбардировками столицы потихоньку завязывать: если в 41-м на Москву было совершено пять авиаударов, то в 42-м их было уже три, а в последующие годы — так и вовсе ни одного.

Осуществляла такую потрясающую воображение маскировку группа специалистов во главе с гениальным Борисом Иофаном — „еврейским архитектором Сталина”. А руководствовались они советами, изложенными в первые дни войны в работе „Военная маскировка” графиком Яковом Черниковым. В этой работе Черников подробно прописал методы маскировки, включающие использование цветовой расцветки, декоративных прикрас, химических завес и искусственных сооружений. Он также разложил по полочкам все приёмы, позволяющие видоизменить визуальные характеристики архитектурных объектов. В годы войны именно его наработки позволили многим советским городам — и даже городам стран-союзников — минимизировать ущерб от немецких авианалётов. Однако Черников был, конечно, не только видным теоретиком, но и активно творящим графиком и архитектором. Он вошёл в историю русского авангарда как крупнейший представитель жанра архитектурных фантазий.

Яков Георгиевич Черников родился 17 декабря 1889 г. в Павлограде Екатеринославской губернии (Днепропетровская область — ред.) в многодетной еврейской семье, в которой было 11 детей (5 девочек и 6 мальчиков), проживавшей по ул. Харьковская (дом Зубовой) — этот дом Яков изобразил в студенческих

Еврейский голос Буратино

ли. С восьми лет родители отдали Нину в музыкальную школу, а позже настояли на её поступлении в училище по классу фортепьяно. „Мы жили в ту пору в районе Марьиной рощи, где обитала большая еврейская община со своими нравами и традициями. Если поговорить с ними, то у них дети — самые лучшие, и мои родители тоже старались поддерживать эту марку. Потому заранее за меня всё решили, кем я должна стать”, — рассказывала она.

Поступить в училище ей удалось с трудом. Очевидный талант Бродской соседствовал с независимым дерзким характером. На главных экзаменах она вылилась разодетая и на высоких каблуках, а когда её попросили спеть — грянула всей силой своего голоса старинный романс. Педагоги обзвали Бродскую „джазисткой” и решили, что так вызывающе петь и выглядеть студентке музучилища нельзя. Однако всё решил голос одного из пожилых профессоров. „Перед нами большое дарование! Такую надо брать!” — объявил свой вердикт он.

Уже на первом курсе Бродская стала выступать как певица. Случай свел её с трубачом Эдди Рознером, который пригласил Нину в свой оркестр. В его составе Нина Александровна проехала с гастролями весь СССР и впервые попала на телевидение. Рознер был по-настоящему легендарной личностью. Еврей, родившийся в Берлине, он перебрался в СССР со своим биг-бэндом во время Второй мировой войны. В конце 40-х, на волне советской борьбы с джазом, он пытался покинуть Союз, но был схвачен пограничниками во Львове и получил десять лет лагерей. Отсидев, вернулся в Москву, где вновь собрал биг-бэнд. На этот раз Рознер не стал заигрывать с неприятным советской пропаганде словом „джаз” и назвал свой оркестр просто „эстрадным”. Он пользовался бешеной популярностью. Музыканты Рознера постоянно гастролировали. Их звали играть в „Голубой огонёк” — главную музыкальную передачу в СССР. Фактически оркестр был предтечей всего шоу-бизнеса в России.

„Дядя Эдди, как я его называла, меня обожал, — без лишней скромности вспоминала Нина Бродская. — Ему было уже 54 года. Он был образован, говорил на многих языках, обладал большим чувством юмора и имел единственный недостаток — любил женщин! Поговаривали на эстраде, что он не проходил мимо ни одной бабы. Но были и исключения — я

в том числе”.

Бродской было всего 16-ть, когда она начала петь у Рознера. В ответ на „дядю Эдди” тот называл её „дитём оркестра” и вечно хотел накормить. Рознер боялся, что Нина сильно нервничает из-за выступлений, а оттого голодает. А ещё, говорила Бродская, ей запомнились изуродованные большие пальцы легендарного трубача: «Как-то я спросила его, почему, и он мне ответил: „На Лубянке пальцы вставили в тиски и зажали”».

Именно Рознер свёл Бродскую с миром кино: „Однажды он протянул мне листок с телефонным номером и наказал позвонить. Я позвонила, и оказалось, что номер принадлежит композитору Яну Френкелю. В тот момент ему очень нужна была певица для исполнения песни „Любовь-кольцо” в фильме „Женщины” режиссёра Павла Любимова”. Бродская говорила, что когда Френкель впервые наиграл ей мотив, песня не произвела на неё впечатления. Однако именно с этой композицией началась её взлёт. Фильм „Женщины” вышел на экраны в 1965 и стал одним из лидеров советского проката: в тот год картину посмотрели больше 35 млн. человек. Песню „Любовь-кольцо” пели по всей стране, а голос молодой артистки Нины Бродской звучал отовсюду. Её начали звать в кино и на радио. В одночасье „джазистка”, как пренебрежительно отзывались о ней в музучилище, стала звездой.

В 1973 Бродская спела один из главных хитов советского кинематографа — песню „Звенит январская вьюга” из фильма „Иван Васильевич меняет профессию”. Композитором этой картины был великий Александр Зацепин. Много лет спустя Бродская сокрушалась: шанс поработать с Зацепиным был у неё ещё в 60-х. Она могла спеть в „Кавказской пленнице” и „Бриллиантовой руке”, но в итоге хиты в этих фильмах исполнила другая певица — Аида Ведичева. Бродскую подвела молодость. Зацепин хотел от неё простого и неприятельного исполнения, но самой Бродской казалось, что так не пойдёт: она спорила с композитором и везде „включала” джазовый диапазон. В итоге Зацепин обиделся. До 1973 года он перестал звать Бродскую в фильмы, над которыми работал.

Но, возможно, главным хитом певицы и её фирменным знаком стала даже не „Январская вьюга”, а песня из фильма „Приключения Буратино” 1975 г. Та самая, где в припеве имя

сказочного героя растягивают по слогам: „Бу! РА! ТИ! НО!”.

„Было очень стыдно!” — вспоминала Бродская этот исторический момент своей карьеры. Дело в том, что вместе с ней в студии находился актёр Ролан Быков. А ещё в 1966 между ними случил-

ся „конфликт”. Оба работали над фильмом „Айболит 66”. Быков был режиссёром той картины и одной из её главных „звёзд” — он играл Бармалея. Однако 19-летняя Бродская не знала его в лицо. Когда во время озвучки Быков сначала отхлебнул чай из её кружки, а затем стал есть её коржик, она не стерпела. „Слушай! — сказала она. — Здесь поблизости через два павильона есть буфет, сходи-ка, а?” Мужчина стал извиняться и пошёл. А потом оказалось, что он и есть великий Ролан, режиссёр и актёр. Бродская потом добавляла: «Не знаю, запомнил он этот случай или нет. Но на записи „Буратино” я старалась не показывать ему, что сама помню всё».

Нина Бродская эмигрировала в США в 1979 году вместе с сыном и мужем. Позже она признавалась, что к эмиграции её подтолкнул конфликт с чиновниками из Министерства культуры. Певица была яркая, говорила, что думала, да к тому же была еврейкой — в итоге её начали оттирать на задний план: стало меньше предложений в кино, начались проблемы с выездами за границу.

В Америке Нина Александровна продолжила заниматься музыкальной карьерой и выпустила несколько пластинок. Сегодня певице 73 года. Она не думала, что её помнят на родине, и была крайне удивлена, когда прилетела в Россию в 1994-м. По легенде, ещё в аэропорту Бродская услышала звуки знакомой песни: „Кто доброй сказкой входит в дом? Кто с детства каждому знаком? Кто не учёный, не поэт, а покори́л весь белый свет?” Песню про Буратино пели её поклонники всех возрастов, которые приехали в Шереметьево, чтобы встретить артистку.

Михаил БЛОКОВ.

Кремль под маской

видуального графического языка. В 1914 поступает в Петербургскую академию художеств и на Высшие педагогические курсы. В академии он сначала учился на факультете живописи, но позже перевёлся на архитектурный. После окончания Высших педагогических курсов в 1917 защитил дипломную работу по методике обучения рисованию. Учёбу в академии прервала революция, и только в 1922-м Черников смог продолжить обучение, а через три года блестяще защитил диплом. Впрочем, к этому моменту он был уже известным педагогом, преподававшим различные графические дисциплины в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта.

В 1934 году Якову Георгиевичу было присвоено звание профессора, а год спустя присуждена степень кандидата архитектурных наук. После переезда в Москву в 1937-м Черников руководил кафедрой начертательной геометрии в Московском инженерно-экономическом институте.

Педагогический метод Черникова до сих пор считается уникальным: он не требовал от ученика строгих академических линий и не заставлял ничего копировать. Наоборот, всячески старался развить в учениках творческое пространственное мышление при помощи разных комбинаций „беспредметных элементов”. То есть разные геометрические формы собирались в некий архитектурный объект, потом вновь разбивались на разные составляющие, из которых можно было „собрать” уже что-то абсолютно новое.

„Только раскрыв сочинительские способности ученика и научив его самостоятельно мыслить графически, можно выявить творческие возможности, заложенные в каждом человеке, — считал Черников. — Следует поощрять так называемое архитектурное изобретательство. Являясь второй основой задач новой

архитектуры, оно способствует выявлению новых типов архитектуры”. Воображение — вот основа метода Черникова, которого считают крупнейшим представителем архитектурной фантазии наряду с такими мастерами, как Клод-Никола Леду, Джованни Баттиста Пиранези и Антонио Сант-Элиа. Многие исследователи интерпретируют независимую графику Черникова как аналог европейского экспрессионизма в СССР.

Начав свой творческий путь в архитектуре приверженцем абстракционизма и супрематизма, Черников в дальнейшем проникся конструктивизмом. Свои взгляды он изложил в книгах, вдохновлявших не одно поколение архитекторов: „Основы современной архитектуры. Экспериментально-исследовательские работы”, „Орнамент. Композиционно-классические построения”, „Архитектурные фантазии”, „Цикл живописной архитектуры”.

В середине 30-х Черников руководил архитектурной мастерской „Ленпроекта” и принимал участие в создании проектов застройки жилых кварталов в Ленинграде и жилищных массивов в Петрозаводске. Но это были типовые проекты в соответствии с утверждённым планом — не место для воплощения фантазий. Куда большее удовольствие ему доставляла работа с учениками в созданной им „Научно-исследовательской экспериментальной лаборатории архитектурных форм и методов графирования”. Фактически эта лаборатория стала персональной мастерской художника-архитектора.

Под руководством Черникова было спроектировано почти 100 архитектурных объектов — в основном индустриального назначения. Но реализованы и сохранены из них были единицы — например, канатный цех с водонапорной башней завода „Красный гвоздильщик” в Санкт-Петербурге. Здание было признано объектом культурного наследия регионального значения. Есть несколько причин, почему большинство идей Черникова остались на бумаге. Во-первых, архитектор был больше сосредоточен на исследовательской и просветительской работе. Во-вторых, он попал в немилость, когда в Союзе начали критиковать конструктивизм и архитекторов, работающих в этом жанре. Доходило даже до того, что книги Черникова изымались из библиотек.

Но на творческой деятельности Якова это почти никак не сказывалось. Вплоть до конца жизни он продолжал преподавать и исследовать: выпустил работы „Дворцы коммунизма” и „Пантеоны Великой Отечественной войны”, а последнюю работу посвятил архитектурным шрифтам. После смерти Черникова большинство его графических рисунков оказались на хранении в Российском государственном архиве литературы и искусства — вот только в 2006 выяснилось, что многие из них похищены и заменены грубыми подделками. Причина ясна — работы Черникова до сих пор крайне высоко ценятся на рынке искусства: так, в 2014 композиции мастера из циклов „Архитектурные сказки”, „Архитектура индустрии” и „Архитектурная романтика” ушли с молотка на аукционе в Нью-Йорке за 425 тысяч долларов.

Алексей ВИКТОРОВ.

Слово об Аркадии Тиморе

Он прорывался к блокадному Ленинграду, переправлялся с боями через Днепр, в передовых частях Красной Армии входил в Берлин. Талантливый инженер, директор танкового завода – его ждало блестящее будущее, так жёстко и стремительно оборванное арестом, судом и лагерями. Но потом пришла новая жизнь – в молодом еврейском государстве, где инженерный гений Аркадия Тимора превратил советскую танковую армию в молниеносную израильскую бронетехнику.

Аркадий Тимор родился в 10 декабря 1919 г. в местечке Дубоссары, расположенном на левом берегу Днестра, и поначалу был Абрамом Кацевманом.

Отец Абраша был шапочником, детей в семье было малюменьше, и жили трудно и голодно в то послереволюционное время. Абраша начал учиться в еврейской школе на идиш. Был очень активным учеником, всё схватывал на лету, писал стихи, естественно, на идиш, в школьную стенную газету.

Окончив семилетку, Абрам в 1936 поступает в одесский мучительный техникум, но подоспел призывной возраст, и его, не дав завершить учёбу, призывают в армию. Он становится курсантом Нарофоминского танкового училища. С именем Абрам, звучавшим, как обидная кличка, жить было непросто. И без того хватало унижений по пятому пункту. Поэтому Абраша (и кто посмеет бросить в него камень?) стал называть себя Аркаша.

– Мой первый солдатский дом, – рассказывает Аркадий, – был в 55-й лёгкотанковой бригаде в Наро-Фоминске. Летом 1940 она была преобразована в 14-ю танковую дивизию. В её составе я вступил в свой первый бой в конце июня 1941. Через три дня лёгкое ранение в руку и ногу. Подлечили тут же, в полевом госпитале. Потом были бои в районе Смоленска и известная солвьёвская переправа через Днепр в районе села Ярцево. Первые увидел реку, в которой вода была красной от крови. А дальше – отступление на восток к Можайскому шоссе, к Москве.

– С боями, – продолжает Аркадий, – вышли из окружения. Были перебросаны на Волховский фронт, и в составе 122-ой танковой бригады несколько раз безуспешно пытались прорваться к блокадному Ленинграду. Во время одного из боёв возле рабочего посёлка Синявино я был дважды тяжело ранен. Один из осколков в нескольких сантиметрах от сердца хирург испугался удалять, и тот остался „на память“ на всю мою жизнь.

Несколько месяцев лечения в госпитале. После такого ранения сам Б-г велел куда-нибудь в тыл. Хватит, навоевался. Кто упрекнёт? Но у него свои счёты к фашистам. В сентябре 1941 в его родном местечке Дубоссары от рук фашистов погибла вся его родня, близкая и дальняя, всего 55 человек. Евреи Дубоссар умели постоять за себя. Им даже удавалось в прошлом защитить себя от погромов. И на этот раз они оказали сопротивление гитлеровцам. Был настоящий бой, который вошёл в еврейскую историю как один из немногих случаев активного еврейского сопротивления врагу. Было уничтожено более 60-ти фашистов. Не было никаких надежд на победу, но было единственное желание мужественно и достойно принять смерть в бою. И приняли героическую смерть.

Обозлённые фашисты покарали жуткой мстостью за своих убитых. Они согнали в Дубоссары 18,5 тысяч евреев из Дубоссар и округи и зверски всех убили. Среди них 38-летняя мать Аркадия, его младшая двухлетняя сестрёнка, 86-летняя бабушка и 93-летний дед. Вспоминает Аркадий и 10-летнего брата-крепыша Лёвку и 12-летнюю сестричку-красавицу Полинуску. Да разве назовёшь поимённо всю многочисленную погибшую семью! Только отца там не было. Его призвали в армию. Он стал минёром и погиб под Калинином в 1943.

Теперь понятно, какие счёты у Аркадия были к фашистам, и он после госпиталя с осколком у сердца возвращается в свою 122-ю танковую бригаду. В её составе он участвует в прорыве блокады Ленинграда. Ещё раз ранен, но это не мешает ему снова вернуться на фронт, теперь в 18-й танковый полк. С этим полком он прошёл с боями по дорогам Прибалтики, Польши и Германии. В Данциге снова лёгкое ранение, которое не помешало Аркадию Кацевману закончить войну в Берлине подполковником, командиром полка самоходных орудий.

Казалось бы, на вражеской территории он должен дать волю чувству мести. Вот что рассказывает об этом сам Аркадий:

– В Берлине шли тяжёлые бои. Мы знали, что это конец войны. Наступил момент, когда каждый осознал потерянное, и пришёл черёд призыва к мести. Речь шла о священной мести, если она вообще бывает священной. Для меня месь не означала сделать то, что причинили мне, „они“. По „их“ логике раз вся моя семья погибла, я должен уничтожить таких же, как мои, невинных людей. Внутри у меня всё кипело...

Тогда снизошла на меня то ли жалость, то ли милосердие Какого-то зацепило, только вдруг подумалось – вот тот же ребёнок, как мои сестричка или братишка, ходит оборванный и голодный. И принял я решение, и отдал приказ выделить от моего полка две полевые кухни. Одна стояла на Александерплац, другая – в пятистах метрах дальше. Круглые сутки варили супы, и было объявлено, что дети, женщины и старики могут прийти и поесть, не предъявляя никаких документов, но каждому говорили, что командир части, которой принадлежат эти кухни, еврей. Для меня было очень важно, чтобы они знали, что это еврей. Несколько раз я проходил мимо этих кухонь и испытывал огромное удовлетворение от всего, что видел. Такой была моя месь.

Может ли что-то ещё более ярко говорить о личности Аркадия Кацевмана?

Когда Аркадий рассказывал о войне, он никогда не упоминал о своих наградах. А у него целый набор орденов – Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды и большое число медалей. В 1995 к этим орденам прибавился ещё один. Аркадия Кацевмана пригласили в Москву на юбилейные торжества по случаю 50-летия со Дня Победы. Он был Председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны, которых немало оказалось в Израиле. Указом Президента Российской Федерации Бориса Ельцина от 1 апреля 1995 г. Аркадий Тимор был награждён орденом „Дружбы народов“, вручённым ему на торжественном заседании.

Но это будет через 50 лет, а пока подполковник Кацевман после Победы остался служить в оккупированной Германии. А куда было возвращаться? В Дубоссары, где всё будет напоминать об утраченной семье и только усиливать боль? Тем более, что незадолго до конца войны не иначе как Б-г послал ему встречу, во многом определившую его дальнейшую судьбу.

В районе Старгарда 18-й танковый полк освободил узников немецкого концлагеря. Среди них была польская семья Богдоль. Попала она в лагерь, скорее всего, из-за того, что кто-то из этой семьи был участником антифашистского сопротивления. Из толпы узников выбежала красивая девушка и бросилась на шею молодому советскому офицеру-освободителю. Ещё как молодому! Подполковнику Кацевману едва исполнилось 25. Девушка обнимала и целовала его, плача и что-то говоря по-польски. А он опустил в растерянности руки, не решаясь обнять её в ответ. Из дальнего уголка души явилось забытое за четыре года войны чувство любви и заполнило его всего. Девушка замерла, положив голову ему на грудь, и так они стояли минуту, час, вечность, как будто небесным магнитом их притянуло друг к другу.

Галина Богдоль стала его женой, его единственной любовью на всю жизнь. В Дрездене у них родился сын Борис, названный в честь погибшего деда, отца Аркадия.

Подполковника Кацевмана назначили начальником танковой школы. Тут на него обратили внимание представители „Хаганы“, пытавшиеся завязать контакты с евреями-офицерами Советской армии. Аркадий Тимор никогда не рассказывал об этом. Это стало известно из рассекреченных документов тель-авивского архива истории „Хаганы“.

Два сионистских активиста Цви Нецер и Шауль Авигур вели беседы с Тимором о судьбе еврейского народа, о необходимости иметь своё еврейское государство, о том, что волны антисемитизма плещут во всех странах рассеяния, и раньше или позже обязательно возникнет цунами нового Холокоста. Эти разговоры были близки к собственным размышлениям Аркадия.

После Германии Аркадий Кацевман для продолжения службы был отправлен в далёкий Забайкальский военный округ. Суровый климат оказался гибельным для маленького Бориса, который родился с врождённым заболеванием почек. Попытка перевести в более подходящие для жизни края не увенчалась успехом, и болезнь сына стала причиной, по которой подполковник Кацевман попросился в отставку. Просьба была удовлетворена, и семья переехала в литовский город Каунас. Здесь Аркадий окончил политехнический институт, получив диплом инженера-механика.

Он начал работать на Каунасском заводе сельскохозяйственного машиностроения, но не удивлюсь, если этот завод производил танки. Талантливый инженер и блестящий организатор, Кацевман в короткий срок становится главным инженером, а затем и директором завода. Но начинается борьба с космополитами, и антисемитизм расцветает пышным цветом. И объяснять никому не надо, что космополит и еврей суть синонимы. Правы, похоже, были те сионистские активисты в Берлине, которые видели спасение для евреев только в своём государстве.

Мысли об эмиграции возникли давно. В 1948 г., когда было провозглашено государство Израиль, 14 боевых офицеров-евреев обратились с просьбой к Советскому правительству отправить их в Израиль для помощи молодому государству. Было известно, что Сталин поддержал создание Израйля, но откуда им было знать, что их желание покинуть Советский Союз будет приравнено к предательству. Аркадий был готов присоединиться к боевым товарищам, но Галина буквально повисла у него на руках, предчувствуя беду. Она уговорила его не спешить, и вскоре Аркадий узнал, что все 14 исчезли и, как выяснилось позже, были расстреляны. „Я обязан ей жизнью“, – говорил Аркадий, вспоминая об этом.

О легальной эмиграции в Израиль не могло быть и речи, и Кацевманы подали заявление на выезд в Польшу. Ничего удивительного, жена полячка и хочет вернуться на родину. Но бдительное око гэбэшников не проведёшь. То ли кто-то из „друзей“ оказался сексотом, то ли сами причиники заподозрили обман, но вместо разрешения на выезд – арест за сионистскую пропаганду, побои, лишение орденов, лагерь.

Галина кинулась спасать мужа. Быстро стало понятно, что ни гэбэшники, ни партийные начальники, как их ни умоляй, не придут на помощь. Последняя надежда на то, что поможет израильское или польское посольство. И Галина едет в Москву. Её принимают, выслушивают, обещают помочь. А дальше ис-

ЦАХАЛе – Армии обороны Израиля. Ему всего 40 с небольшим. Он полон энергии и энтузиазма. И Борис (какая это радость!) начал чувствовать себя лучше. Высокий профессионализм, умение общаться, упорство, когда надо настоять на своём – всё это в короткое время сделало Аркадия Тимора уважаемым и авторитетным специалистом. Забегая вперёд, скажем, что и в ЦАХАЛе он дослужился до чина подполковника.

Разразилась Шестидневная война. Аркадию было поручено на радиостанции „Голос Израйля“ давать фронтовые репортажи для русскоязычных слушателей. Более 30-ти лет Тимор имел, по его выражению, свой уголок на радио. Им написаны тысячи статей и несколько книг. И у всех была единственная цель – рассказать правду о войне и её героях. Но это зов души, а главным делом Тимора оставались танки.

В Шестидневную войну ярко проявились инженерные и организаторские способности Тимора. В составе группы, возглавляемой начальником Генерального штаба, Аркадий Тимор участвовал в инспекционной поездке на Голанские высоты после сокрушения сирийской танковой армии. Они увидели сотни не только подбитых, но и брошенных в целости и сохранности танков. Это были советские танки Т-54, Т-55, хорошо знакомые Тимору. Он попросил дать ему возможность отремонтировать и модернизировать танки и поставить их на службу ЦАХАЛу.

Начальство скептически восприняло эту идею. Было известно, что во время Отечественной войны немцы захватили небольшое количество советских танков, но поставить их себе на службу не смогли. Не потому ли, что у них не было такого глубокого знатка советской бронетехники и такого энтузиаста, как Тимор? В течение нескольких месяцев в ЦАХАЛе были созданы две танковые бригады, укомплектованные танками „Тиран-4“ и „Тиран-5“. Это были восстановленные и переоборудованные Т-54 и Т-55. Позднее советский танк Т-62 под руководством Тимора стал „Тираном-6“.

За создание на базе советских танков израильских „тиранов“ Аркадия Тимора называли „отцом русских танков“.

Годы берут своё. Аркадий Тимор заканчивает службу в ЦАХАЛе. Пятьдесят один год срок службы ветерана, подполковника двух армий, советской и израильской, Аркадия Тимора.

У Аркадия не было проблем, чем заняться после выхода в отставку. Он человек исключительно разносторонних дарований: прекрасно рисовал, очевидные литературные способности. Он любит поэзию и сам пишет стихи. Все они о войне, о её героях, о беспримерном мужестве, которое не может быть забыто. Он задумал и создал уникальный журнал „Слово инвалида войны“, и, как пишут его коллеги по работе в журнале, можно восхищаться, с каким упорством и тщательностью он разыскивал и собирал материалы для публикаций. Его „Словом редактора“ открывался каждый номер журнала. Во всех его публикациях, как завет, звучало: „Помните всех и всё в судьбоносной для евреев войне 1939-1945 г. Победа над фашизмом вручила еврейскому народу ключи от родного дома“. Он любил это повторять, он призывал всех, кто ещё помнит, писать и рассказывать об этом детям и внукам, чтобы память о великой победе и победителях сохранилась в грядущих поколениях. После смерти Тимора журнал прекратил своё существование, и это подтверждение тому, что незаменимые люди всё же бывают.

Закончилось рассказ об Аркадии Тиморе случаем, который произошёл с ним в больнице. Осколок, находящийся возле сердца, с годами всё чаще беспокоил. На сей раз он стал причиной болей, заставивших врачей госпитализировать Тимора и произвести зондирование сердечной артерии. Он лежал на операционном столе. За стеклянной перегородкой группа студентов-медиков ожидала начала показательной операции. Вошёл профессор. И тут произошло необычное. Профессор посмотрел на пациента и вдруг обратился к нему, отдавая честь: „Командир!“ Аркадий удивлённо посмотрел на профессора. «Ты меня не узнаёшь? – спросил профессор. – Я был водителем твоего „Тирана“».

Измучённым студентам профессор с восторгом рассказал о вкладе Аркадия Тимора в оборону Израйля. Закончив рассказ, он негромко запел песню израильских танкистов. Несколько студентов, бывших танкистов, сначала неуверенно тихо, потом всё громче и громче подхватили песню. А пациент лежал и не стеснялся катившихся слёз.

Юрий СОЛОДКИН.

Что хотели скрыть арабы уничтожая стелу царя Меша?

В августе 1868 г. была найдена стела Моавитского царя Меша, на ней были очень важные для человечества надписи о Торе. Стела была обнаружена эльзасским священником Ф.А. Клапном в Дибане (библейский Дивон, столица Моава) на территории современной Иордании. Она датируется 9 веком до нашей эры. На ней Моавитский царь Меша описывает свои подвиги и своё восстание против Израйля. Надпись на этой каменной плите не только упоминает еврейского царя Давида, но также описывает других еврейских царей и события связанные с ними, которые во всех деталях соответствуют библейскому повествованию.

Через год после открытия данного артефакта местные арабы, услышавшие, что стелу увезут, разбили её на множество фрагментов. К счастью, Шарль Симон Клермон-Ганно до этого снял со стелы бумажный слепок, что позволило позже собрать и восстановить значительную часть артефакта.

К примеру, восстание Меша против Израйля описывается в ТаНаХе, в четвёртой Книге Царств 3 гл. Ниже перечислены другие личности и географические названия, которые упоминаются на этой каменной плите, и о которых также повествуется в Торе:

- Моавитское божество Кемеш (в русском переводе „Хамос“) – часто упоминается в ТаНаХе, к примеру, в третьей Книге Царств 11:33.
- Израильский царь Омри („Амври“) описывается в третьей Книге Царств 16 гл.
- Города Нево и Баал-Меон („Баал-Меон“) упоминаются в 1-Паралипоменон 5:8 и других местах.
- О людях Гада и долине Шарон тоже много говорится в Ветхом Завете.
- На Стеле Меша даже упоминается Израильское имя Бога – Яхве (Иегова), точно в такой же форме, как оно написано в ТаНаХе.

Дядя Абраша, Пикассо и другие

14 марта 1997 года я самозабвенно работал над картиной в своей уединённой студии в Леонардо, Нью-Джерси.

Сделав множество эскизов и набросков, я уже начал переносить композицию на холст, когда моя работа была прервана настойчивым стуком в дверь. В раздражении я поспешил открыть.

На крыльце стояли двое солидных мужчин в дорожных серых костюмах. Представившись агентами ФБР и предъявив удостоверения, они спросили разрешения задать мне несколько вопросов.

Я был немало удивлён этим странным визитом и пригласил их войти в увешанную картинами студию. Выслушав сдержанные комплементы по поводу моей живописи и сгорая от любопытства, я предложил им перейти к делу. Чем же был вызван интерес столь серьёзного ведомства к моей скромной персоне?

В сущности, все их вопросы сводились к одному – не фальсифицировал ли я когда-либо картины известных художников, а в частности, Пабло Пикассо.

Получив отрицательные ответы, они попросили несколько образцов моей подписи на русском языке. Двух автографов им показалось мало, и я исписал своей фамилией два листа, после чего агенты удалились, оставив меня в полном недоумении.

Я долго думал о том странном визите, пока эта история не нашла логическое объяснение. 18 августа я получил официальное письмо из отдела экспертизы Нью-Йоркского филиала аукциона Кристи.

В письме говорилось, что торговым домом Кристи была приобретена небольшая коллекция картин Пикассо. При расчистке задников на всех пяти холстах была обнаружена написанная на русском языке моя фамилия (!!!).

Проведённая ФБР экспертиза показала, что моя подпись на 43 процента соответствует автографам на холстах. Руководство Кристи просило меня, по возможности, дать объяснения этому странному факту.

То письмо мгновенно поставило всё на свои места. Дело в том, что о существовании этих картин я знал уже очень давно, а подписи на обратных сторонах принадлежали моему дяде Абраму Давидовичу Жердину, да и сами картины были написаны не Пикассо. Это очень старая история и произошла она в 1925 году.

Но лучше начну всё по порядку. До моего рождения дядя Абраша был самым талантливым человеком в нашей семье. Воспитанный в лучших традициях еврейской интеллигенции, окружённый с детства гениальными произведениями искусства, он впитал в себя отсюда всё лучшее. Он учился живописи сначала у Левитана, потом у Бореньки Григорьевой, но больше всего Абраша почерпнул у Казимира Малевича, картины которого были в нашем доме повсюду: даже спускаясь в погреб за картошкой, Абраша натёкался на чёрные квадраты. Это Малевич первым научил моего дядю закрашивать по трафарету холсты чёрной, а позднее красной краской, и Абраша в этом деле превзошёл своего учителя. Ему прочили большое будущее, но судьба распорядилась иначе.

После революции ему пришлось работать в артели вместе с отцом, кормить семью, а когда спрос на картины упал, они быстро перестроили эту артель слепых на новые рельсы – начали шить одеяла.

Здесь, правда, тоже пригодился Абрашин художественный талант. Одеяла с аппликациями по его рисункам пользовались немалым спросом, а с 1923 года, когда артель была национализирована, Абраша остался в ней работать обыкновенным закройщиком. Там он проработал пару лет, пока весной 1925 в артели полностью не закончился запас ниток. Если материал ещё можно было как-то найти, то нитки по всей стране стали огромным дефицитом. Нужно было срочно послать кого-то за границу. А так как из трёх зрячих портных Абраша был единственным, кто не пил горькую и умел говорить по-французски, то выбор пал на него. К тому же он был невероятно честным человеком, и на артельном собрании слепые вынесли единогласное решение: отправить в командировку в Париж Абраму Давидовичу Жердину.

Именно таким образом, 16 мая 1925 года, на парижском вокзале появился молодой еврей. Позвякивая золотыми червонцами, шитыми в нижнее бельё, он уверенно ступил на французскую землю.

Его никто не встречал, и он направился к выходу в толпе мешочников, глядя по сторонам и неся на плече скатанное в трубку большое стёганое одеяло, расшитое по его рисунку удивительными образами быков, лошадей и женщин. Это одеяло было его гордостью. Композиция носила название „Падёж скота в Рогачеве в 1921 году“. Абраша рассчитывал его выгодно продать и на вырученные деньги купить подарки родичам и ещё немножко ниток. За спиной в походном мешке лежали завернутые в газеты две баночки вишневого варенья. Одна из них предназначалась нашему дальнему родственнику Хаиму Сутину, вторая – другу отца, знаменитому Марику Шагалу, у которого Абраша планировал остановиться.

Весенний Париж поразил воображение молодого еврея. Запах цветущих каштанов, яркая зелень деревьев, толпы праздных, нарядно одетых людей в уличных кафе, – всё настолько резко отличалось от серой и грязной гомельской окраины, что у Абраши закружилась голова.

Он долго колесил по городу и, пока нашёл студию Марика Шагала, изрядно вспотел в своём парадном лапсердаке. Как он рассказывал позднее, Марик встретил его очень сердечно, по-домаш-

нему, напоил чаем и сразу, с корабля на бал, пригласил отобедать в модном ресторане „Жокей“ на бульваре Монпарнас в компании близких друзей. Так мой дядя с первого дня окунулся в бурную жизнь парижской богемы.

Он пришёл в ресторан со своим знаменитым одеялом – на этом настоял Шагал, – который был в восторге от Абрашиной композиции и уверил его, что поможет продать это великое произведение.

Вечер, проведённый в „Жокее“, Абраша запомнил на всю жизнь. Марик познакомил его со своими друзьями: Кислингом, Паскиным, японцем Фуджитой и другими. Кислинг праздновал открытие своей выставки. В первый день он продал шесть картин и теперь шикавал.

Тогда Абраша впервые попробовал французское вино. „Такой гадости я не пил больше никогда, – говорил он, вспоминая Париж, – наша домашняя наливка по сравнению с ним – это просто нектар небесный“.

Кислинг заказал четыре дюжины устриц. Абраша видел устрицы первый раз в жизни и наотрез отказался. „В Гомеле устрицы не едят даже нищие!“ – сказал он категорично. Шагал специально для Абраши заказал жаренного карпа без косточек с картофельным пюре.

За разговорами обед постепенно перешёл в ужин. В „Жокее“ набилось множество народа, заиграла музыка. В 9 часов появился Пикассо. Он уже тогда был очень знаменит и все встретили его приветливыми возгласами.

По мере выпитых бутылок, разговор всё больше оживлялся. Кто-то затронул тему о России и здесь Абраша оказался в центре внимания. На него посыпались вопросы: что нового в русском искусстве, как там живут художники? Польщённый всеобщим вниманием он начал рассказывать, что все художники теперь шьют одеяла. На картины спроса нет.

Он попытался пожаловаться, что в стране нет ниток, и люди сидят без работы. Но Шагал под столом начал давить ему ногу, и поняв, что он зашёл куда-то не туда, Абраша закончил свой рассказ словами покойного дяди Соломона, которые тот говорил всегда, когда ему нечего было сказать. Абраша закатил глаза и произнёс голосом пророка: „Когда я смотрю на двух братьев, избивающих друг друга, я хочу говорить о печали, – и немного помолчав добавил, – всё это суета сует и всяческая суета“.

За столом восстановилась тишина, все на минуту задумались. Шагал, скрывая улыбку, воспользовался этой паузой и попросил Абрашу показать его великолепное одеяло.

„Когда я его развернул, – говорил дядя Абраша, – весь ресторан обернулся в мою сторону, а Пикассо сразу предложил мне 200 франков“. И пока Пикассо не передумал, Абраша вылезал немедленно идти к нему в студию за деньгами.

Пикассо действительно выложил 200 монет. Одеяло ему очень понравилось. Аппликации из поношенного, местами пожелтевшего солдатского белья на серовато-зелёном фоне, произвели на него потрясающее впечатление.

Восемь лет спустя, один из них не изменив, он перенёс Абрашину композицию на холст, и эта картина принесла ему мировую славу. Пикассо поменял только название. Так „Падёж скота в Рогачеве в 1921 году“, перейдя с одеяла на холст, получила новый, более глубокий смысл, превратившись в „Гернику“. Она находится сейчас Мадриде, в музее Прадо, и по сей день пугает многочисленных ценителей живописи.

Здесь я вернусь к нашей истории, чтобы не уходить слишком далеко.

В мастерской Пикассо был беспорядок: на кушетке спала какая-то голая женщина. Она была сильно пьяна и, пока Пабло помогал ей одеться и выпроваживал её за дверь, Абраша стал рассматривать картины. Картин было очень много, но ему ни одна не понравилась. Пикассо явно находился в творческом тунике, и он в том честно признался. „Я сам, – говорил дядя Абраша, – предложил показать ему новое направление. Я чувствовал себя немного обязанным уму – 200 франков за одеяло было более чем щедро. Конечно, если бы я знал раньше, – любил повторять он, – я бы привёз в Париж двадцать таких одеял, можете не сомневаться“.

Пикассо с улыбкой принял Абрашино предложение и, подав ему палитру и краски, уселся в кресло. „Холстов бери сколько хочешь, – сказал он, – вон, там в углу“.

Абраша решил работать по методу Малевича – писать сразу семь картин одновременно. И, чтобы не запачкать одежду, он снял лапсердак и рубашку, оставшись в нижнем белье. „Я расставил холсты по росту, как солдат на параде, от большего к меньшему и сразу принялся за работу, – рассказывал дядя Абраша. – Потягивая тягучий шартрез, – Пикассо немного иронично наблюдал за мной из глубокого кожаного кресла“.

На часах уже было половина третьего, когда Абраша закончил работу. У стены стояли одна лучше другой семь великолепных картин, и Пабло мирно похрапывал, запрокинув голову. Абраша аккуратно подписал картины с обратной стороны и, чтобы не будить знаменитого художника, тихонько примостился на кушетке. Он не рискнул идти ночью к Шагалу с такой крупной суммой.

Ему приснился странный сон: как будто его одеяло висит в каком-то высоком светлом зале, у одеяла стоят множество людей и все в один голос повторяют с восторгом: „Ах, какое чудесное тёплое одеяло“. И вдруг появился покойный дядя Соломон и стал орать как резанный: „Цудрейтер, цудрейтер“. От этого крика Абраша проснулся. Едва рассвело. Через открытое окно он услышал

Еврейская майса

голос Шагала: „Эй, ты, проснись! Где ты, шлемазл? Или у тебя уже голубой период?“ Абраша на цыпочках сбегал на улицу.

„Шагал был очень сердит. Он не спал всю ночь, волновался, куда я пропал, – рассказывал дядя Абраша. – Он ворчал всю дорогу домой и всё повторял, – это тебе не Гомель“. Но Абраша и так это прекрасно понимал. Это был Париж. Шёл 1925 год, а в далекой Белоруссии и таком родном сердцу Гомеле слепые люди сидели без ниток!

Я не буду здесь рассказывать, как Абраша покупал три ящика ниток, как его провожали Шагал и Сутан. Они долго махали платками, пока не скрылись в утренней дымке. Я также не буду говорить, как Абраша благополучно добрался до Гомеля и привёз не только нитки, но и множество прекрасных подарков для родных и знакомых. Я не хочу об этом говорить, потому что это не имеет ни малейшего отношения к нашей истории.

Я лучше вернусь к Абрашиным картинам. Ума не приложу, как на них появилась подпись Пикассо. Поэтому я не хочу и не имею права называть Пикассо аферистом. Вполне возможно, что какой-нибудь делегя подделал его подпись, чтобы подороже продать. Я этого не знаю, и не буду гадать.

Зато я знаю одно: когда я рассказал мою историю в отделе экспертизы Кристи, они только с умным видом кивали головами, а когда я ушёл, они замазали чёрной краской подписи моего дяди Абраши и выставили картины на осенний аукцион!!!

Вы не верите? Так вот. У меня есть тот каталог. Я был на том аукционе, и картины моего любимого дяди были проданы с молотка в общей сложности за 26 млн. долларов.

Вот и скажите мне, пожалуйста: кто здесь аферисты и как можно вообще жить в этой стране честному человеку? А?

Борис ЖЕРДИН.

Маленькие рассказы маленькой страны

Рассказ о том, как начальник маленькой сибирской железнодорожной станции, сам того не предполагая, стал автором крылатой фразы, которую так и тянет произносить в родном Израиле помногу раз в день. А случилось это в начале августа 1941, когда на его станции остановился какой-то бесхозный поезд, и из этого поезда вывалили сотни что-то кричащих, просящих, требующих людей. Они делали это все одновременно и сразу на нескольких языках. Он спросил их, кто они, и из ответных криков понял, что это беженцы из Латвии и большинство из них евреи. Тогда он схватил рупор и что было мочи заорал: „Евреи, говорите по троел!“.

Рассказ о том, что если вы спросите олимпиа из Риги, что такое политическая прозорливость, он тут же приведёт пример из своего далёкого детства, когда он жил со своими родителями в коммунальной квартире. Был у них сосед – старший еврей, парикмахер, горький пьяница, который однажды в какой-то забегаловке, так напился, что сорвал со стены портрет Никиты Хрущёва, растоптал его и описал. После этого он был доставлен в милицию и жестоко избит в КПЗ. Однако утром он был разбужен лёгким поглаживанием ладони начальника участка, который шептал: „Мы сейчас отвезём вас домой, и простите нас, если сможете. Только скажите, откуда у вас были сведения, что этой ночью его снимут со всех постов?“

Рассказ о том, что израильское правительство должно было бы присвоить звание „Праведника Мира“ знаменитому советскому кулинару, историку, этнографу Василию Похлёбкину, которого по праву можно считать инициатором массовой репатриации советских евреев в Израиль. Его книга „Национальные кухни наших народов“ (изд-во „Пищевая промышленность“ 1981), выпущенная тиражом 600 тыс. экземпляров, любому еврею могла показаться сигналом надвигающейся беды – автор включил еврейскую кухню в главу „Кухни народов Заполярья и Крайнего Севера“.

Рассказ о том, как на рынке в Петах-Тикве религиозная покупательница, с сомнением рассматривая пачку печенья, спрашивает арабского продавца: „Кошерное?“ и после положительного кивка продолжает расследование: „А кто дал подтверждение кошерности?“, на что получает немедленный ответ: „Как кто? Главный раввин Джальджулин!“.

Рассказ о новой репатриантке – музыкальном работнике в детском саду, которая успешно провела свой первый открытый урок. Он доставил удовольствие и детям, и родителям, и местной инспекторше, которая после урока сказала героине рассказа: „Всё было замечательно, но в следующий раз скажите, что композитора зовут Бах, а то израильским детям трудно выговорить Римский-Корсаков“.

 <p>Claims Conference ועידת התביעות The Conference on Jewish Material Claims Against Germany</p>	<p><i>Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.</i></p>	<p>Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.</p> <p>Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная вёрстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак. Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г. Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66. ☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11. e-mail: ineinem20@gmail.com http://hesed-dorot.ch.ua Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз. Подписной индекс 90781.</p>
<p>Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.</p>		<p>Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.</p>